

відбувається у момент їх крайньої нестійкості і високої чуттєвості до будь-яких впливів, у тому числі щонайменших; В) з стану нестійкості є декілька варіантів виходу (біфуркація), які знаходить сама система без будь-якого програмування ззовні; Г) знов створена (трансформована) система має більш високий рівень складності та активності. Самоорганізація дає нам нове бачення механізмів спонтанного становлення складності і порядку, прогнозує досягнення універсальних законів формування і здійснення систем різної природи. І. Кант вбачав у самоорганізації таку взаємодію частин, коли кожна частина зобов'язана своїм існуванням дії останніх, існує заради останніх і всього цілого.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бех В. П. Соціальний організм країни / В. П. Бех . — Запříжжя : ЗДУ , 1999. — 306 с.
2. Пригожин И. От существующего к возникающему / И. Пригожин . — М. : Наука , 1985. — 367 с.
3. Степин В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. — М. : ИФРАН , 1994. — 274 с.
4. Князева Е. Н. Сложные системы и нелинейная динамика / Е. Н. Князева // Вопросы философии. — 1998. — № 4. — С. 138-143.
5. Майнцер К. Сложность и самоорганизация / К. Майнцер // Вопросы философии. — 1997. — № 3. — С. 48-61.
6. Пивоваров Э. Сравнительный менеджмент / Э. Пивоваров, И. А. Максимцев. — 2-е изд. — СПб. : Питер , 2008. — 480 с.

Пролосович А. Л. – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и культурологии Одесского государственного экономического университета

УДК: 304.9:316.3

УТОПИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

У статті розглядаються проблеми еволюції утопізму в цілому, специфіки утопічного ідеалу та утопічної свідомості у контексті соціального прогнозування майбутнього. Проблеми досліджуються у філософсько-історичному аспекті.

Ключові слова: утопізм, утопія, утопічна свідомість, соціальне прогнозування.

В статье рассматриваются проблемы эволюции утопизма в целом, специфики утопического идеала и утопического сознания в контексте социального прогнозирования будущего. Проблемы исследуются в философско-историческом аспекте.

Ключевые слова: утопизм, утопия, утопическое сознание, социальное прогнозирование.

In the article the problems of the evolution of utopism as a whole and the specificity of the utopian ideal and the utopian consciousness in the context of the social prognostication of the future are regarded. The problems are researched in a philosophic and historical aspects.

The key words: utopism, utopia, utopian consciousness, the social prognostication.

Сегодня существует достаточное количество самых различных по своей проблематике работ, посвящённых утопизму, написанных как зарубежными, так и отечественными авторами. Тем не менее, на сегодняшний день, среди задач исследования феномена утопии остаются актуальными, в том числе и в философском аспекте, – её сущность, функции, пути воздействия на социально-политическую жизнь, механизмы эволюции и т. п. Обусловлено это и тем, что общественные процессы сегодня сопровождаются противоборством идеалов, часть из которых явно являются утопическими. Признавая, безусловно, свободу мысли, свойственную переходным эпохам, важно избежать утопического мифотворчества, и, прежде всего, на наш взгляд, в социальном прогнозировании. Отсюда круг проблем, которые поставил перед собой автор данной работы: проследить в философско-историческом аспекте эволюцию утопизма в целом, выявить специфику утопического идеала и утопического сознания в контексте социального прогнозирования.

Понятием исторического сознания общества охватывается всё многообразие стихийно сложившихся или созданных наукой форм, в которых общество осознаёт (воспроизводит и оценивает) своё движение во времени. Кроме того, всякая общественная система должна располагать какими-либо способами фиксации своих прошлых состояний; без этого невозможно было бы продолжение ее жизнедеятельности, не говоря уже о ее развитии. Различия же между этими способами состоят, во-первых, в предмете отображения и, во-вторых, в способе осуществления этой процедуры. Объектом отображения в историческом сознании всегда служат определенные моменты прошлых состояний общественной системы. Когда же фактом общественного сознания в той или иной форме становится отдаленное прошлое, то есть прошлое, которое уже не может воспроизводиться, отношения которого к настоящему (а под "настоящим", как известно, обычно имеется в виду некоторая протяженность прошлых и будущих состояний системы, функционирующей в каких-то стабильных рамках) опосредованы рядом иных состояний, – изменяются сами функции исторического сознания: либо оно выступает как осознание процесса развития общества во времени, либо оно фиксирует противопоставление "нынешнего" состояния – "прошлому". Таким образом, оказывается, что даже само по себе изменение протяженности "памяти" общественного сознания связано с переоценкой ее предмета, перестройкой ее структуры. Отметим, что под "структурой" исторического сознания в данном случае имеется в виду взаимосвязь способов фиксации в нем своего предмета, то есть подлежащих отображению моментов общественных процессов. Сюда относится все многообразие вариантов "сознательного" и "бессознательного", "теоретического" и "практического", "научного" и "мифологического" и т.п. вариантов запоминания обществом своего прошлого [1, с. 192]. Необходимо подчеркнуть также, что историческое сознание в целом содержит определённые утопические элементы; они объясняются стремлением отрицать существующую социальную реальность, основываясь на представлениях о каких-то возможных во времени или пространстве иных формах общественного бытия, присущих угнетённым слоям общества. Эта детерминация сознания будущим, которое может стать реальностью, – является достаточно существенным компонентом исторического сознания [2, с. 17]. Особо подчеркнём, что в различных концепциях прошлого содержится немало полезного, на наш взгляд, для разработки прогнозов и в современных условиях. Это, в свою очередь, делает настоятельно необходимым обращение к опыту минувших времён.

Формирование представлений человечества о будущем находилось, как известно, в тесной связи с эволюцией первобытной мифологии, на основе которой сформировались древнейшие из существующих – религиозные концепции будущего. Среди них можно выделить две, наиболее значительные концепции, связанные с существующими мировыми религиями: 1) сложившаяся в I тыс. до н.э. и более развитая индуистско-буддистско-джайнистская концепция, согласно которой история представляется в виде постоянной смены циклов регресса (охватывающих миллионы лет) – от "золотого века" к "концу света", затем "сотворения нового мира", вновь регресса и т.д. без конца. Счастливое будущее видится в том, чтобы "добродетельным поведением" избавиться от бесконечных "перевоплощений" души после смерти и попасть в "нирвану" – качественно иное состояние, при котором отсутствуют и желания, и страдания. Отметим, что такие взгляды в целом характерны и для современной религиозной идеологии Юго-Восточной Азии. 2) Сложившаяся в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. и менее развитая иудаистско-христианско-исламская концепция, согласно которой "история будущего" представляется в виде прихода "спасителя-мессии", установления "царства божия", наступления "конца света", "Страшного суда", наконец, опять-таки перехода в качественно новое состояние "вечного блаженства" для праведников и "вечных мук" для грешников. Такие взгляды, если говорить о христианстве, их активная пропаганда, получают сегодня широкое распространение, поскольку частью верующих, действительно, в очередной раз ожидается "конец света".

И хотя со времён завершения своего формирования более тысячи лет назад религиозная эсхатология не дала ничего существенно нового, тем не менее, на этом основании было бы ошибочно недооценивать значение религиозных концепций будущего. Религиозно-философская мысль древних выработала целый комплекс идей, которые дожили до наших дней: идеи "воздаяния" в загробном мире сообразно поведению человека при жизни, провиденциализма, мессианизма и т.д. Кроме того, религиозные концепции будущего сыграли важную роль, как в социальной борьбе минувших тысячелетий, так и оказали сильнейшее влияние не только на эволюцию утопизма, но и на формирование разнообразных философско-исторических теорий. Последние во многом обуславливают особенности ряда течений современной футурологии.

Вслед за религиозными концепциями будущего и в тесной связи с ними в I тыс. до н.э. стали развиваться утопические концепции, которые отличались от религиозных тем, что теперь "иное

будущее" человечества определялось уже не сверхъестественными силами, а самими людьми, их разумом и действиями. Сущность утопии чаще всего пытаются вывести из соотношения воплощённого в ней идеала с различными сторонами общественной жизни, прежде всего с общественной практикой. Утопию, например, определяют как "несбыточную идею", "вечное царство неосуществимой мечты", как "указание на переворот, который она (утопия. – Авт.) хотя и не способна осуществить, но может требовать" и т. п. [3, с. 11]. Утопический идеал рождается из игры свободного, ничем как будто бы не ограниченного воображения. Утопическое сознание стремится освободиться от "тирании" необходимости, подняться над временем и над историей. Разделив мир на "элементы", утопист испытывает потребность проделать обратную работу – заново синтезировать целостную картину мира, поскольку, как и любой другой тип, утопическое сознание может оперировать лишь целостными образами. При этом утопист замещает вытесненные элементы реальности новыми, устанавливая между ними произвольные связи. Кроме того, синтезируя мир, выстраивая искусственную систему, утопист вправе утверждать, что следует определённой внутренней логике. Поскольку, как заметил в своё время Г. Торо, утопист жаждет "устроить нашу жизнь так, чтобы сохранить все преимущества и устранить недостатки" [4, с. 23]. Однако эта логика является логикой произвола. И если законы, которым подчиняется мир, созданный воображением утописта, в каких-то ситуациях совпадают с действительными законами развития общества – то, как правило, лишь по чистой случайности. Именно таковыми являются миры, созданные воображением Платона, Мора и др. утопистами – здесь все они выступают как "социальные изобретатели". Таким образом, в целом утопию можно определить как произвольно сконструированный образ идеального социума, принимающего различные формы (общины, города, страны и т. п.) и простирающегося на всю жизненную среду человека – от его внутреннего мира до космоса. В таком случае утопическое сознание может быть определено как сознание, произвольно полагающее образ идеального социума. Действительно, социальная утопия (и соответственно социально-утопическое сознание) – видовой проявление родового феномена, распространяющегося на многие, если не на все сферы человеческой деятельности [3, с. 25]. При этом, именно в социальной сфере утопическое сознание находит наиболее последовательное и разнообразное воплощение.

В философско-историческом контексте утопию можно определить как произвольное представление о желаемом будущем человечества, уже не связанное непосредственно с провиденциализмом, но ещё не основанное на научном понимании закономерностей развития общества и природы [5, с. 16]. Известно, что большинство утопий посвящено проблемам будущего общества и относится к разряду социальных. Подчеркнём также, что неверно относить к утопиям только социально-политические трактаты. Элементы того, что составляет суть утопии, встречаются в самых разнообразных произведениях. Последнее, на наш взгляд, делает целесообразным применение понятия "утопизм" как утопического подхода к проблемам настоящего и будущего. В этом плане история утопической мысли предстаёт не просто как ряд произведений, а как процесс эволюции утопизма, который, очевидно, как по своим истокам, так и по своему содержанию является одним из вариантов мифологического исторического сознания общества.

Необходимо отметить, что первые представления о лучшем будущем не в "ином мире", а на Земле, первые утопии возникли во II пол. I тыс. до н.э. в Древней Греции и в Китае, где уровень развития философской мысли был достаточно высок, а религия не подавляла её так сильно, как, например, в Египте, Персии и Индии. Утопии эти носили характер либо идеализации родового строя (Лао-цзы, Мо-цзы, Эвгемер, Ямбул), либо "рационализации" рабовладения (Конфуций, Платон), а позднее – феодализма (Шан Ян и др.). Средневековье, которое, как известно, характеризуется засильем религиозной идеологии, в течение почти полутора тысячелетий сделало невозможным появление более-менее значительных утопий. Некоторый подъём наблюдался в XI – XIII ст. лишь на Ближнем и Среднем Востоке (аль-Фараби, Низами и др.). Однако последовавший затем упадок продолжался здесь до сер. XIX – нач. XX ст. До той же поры почти не прогрессировал утопизм в Китае, Индии и других странах Азии.

В эпохи Возрождения и Просвещения (XVI – I треть XVIII ст.: условно от "Утопии" Мора до "Завещания" Мелье и "Философских писем" Вольтера) рабовладельческие утопии исчезают, феодальные отходят на второй план и уступают место буржуазным, и, особенно социалистическим (Мор, Кампанелла и др.). Утопизм наряду с религиозными концепциями будущего становится идеологией буржуазных революций XVI – XVII ст. Причём впервые в нём ставится проблема связи между социальным и научно-техническим прогрессом (Бэкон). Остальные две трети XVIII в. (условно от Мелье до Бабёфа) характеризуются резким разрывом с религией и эсхатологией,

использованием достижений западноевропейской философией нового времени (Бэкон, Гоббс и др.), тесной связью с идеологией просветительства (Вольтер, Руссо, Гёте, Радищев и др.), а также более чётким характером конкретных программ политической борьбы. Последнее относится не только к утопиям Морелли и Мабли, но и в особенности к утопиям Великой французской революции (Бабёф и др.) Даже "общинная" по форме утопия Руссо объективно приобрела в этих условиях характер мелкобуржуазной эгалитаристской утопии. Вновь растёт число феодальных утопий (Новалис, Щербатов), но сохраняется и усиливается преобладание буржуазных и особенно социалистических. На протяжении XVIII в. понятие утопии, таким образом, в целом политизируется и становится объектом эмоционального восприятия.

I пол. XIX в. (от Сен-Симона, Фурье и Оуэна до Бланка, Кабэ и др., в России - до Герцена и Чернышевского включительно) можно охарактеризовать следующими чертами: попытки критического осмысления опыта Великой французской революции, в ходе которой несостоятельность утопизма проявилась особенно наглядно; стремление связать утопизм с пролетарским движением (отсюда – разнообразные типы "социализма", перечисленные Марксом и Энгельсом в "Манифесте Коммунистической партии"); попытки использовать не только идеологию просветительства, но и немецкую классическую философию, а также классическую политэкономии (Смит, Рикардо и др.) – попытки, которые не увенчались и не могли увенчаться успехом. В целом XIX в. можно считать "Золотым веком" утопизма: если Просвещение являлось "Золотым веком" утопии как литературного жанра, то теперь наступил период расцвета утопизма как метода мышления, уже непосредственно оказывающего воздействие на политическую реальность. В 1830-е – 1840-е гг. данный термин оказался прочно связан с политической сферой, став синонимом коммунизма и социализма. Расцвет же позитивистской философии привёл к прочной связи понятий "утопия" и "будущее". Отныне утопия становилась идеалом совершенного общественного устройства, за осуществление которого боролись как либералы, так и социалисты. Именно в этот период начинается и научное исследование утопии как литературного жанра. Однако современники не осознавали, что один и тот же термин начинал обозначать принципиально различные явления. Лишь в 1952 г. появилось исследование польского культуролога Ф. Занецкого, который небезосновательно предложил ограничить понятие "утопии" произведениями, авторы которых конструируют системы совершенного общества, но не прилагают никаких усилий для их реализации. И действительно, ни один из хрестоматийных авторов (Мор, Кампанелла, Бэкон, Гаррингтон, Батлер) – не был руководителем социального движения, не объединил вокруг себя активных сторонников, которые смогли бы преобразить сущность общества. Таким образом, "новое христианство" Сен-Симона, "человеческая религия" О. Конта, учение Фурье и др. должны рассматриваться отдельно и обозначаться другим термином. Эти и многие другие произведения изначально были ориентированы на динамическую деятельность – распространение и реализацию идеалов [цит. по: 6, с. 167]. Кроме того, данные идеалы сами по себе могли воодушевить и активизировать деятельность тех или иных социальных групп, поэтому в терминологии Занецкого, идеал, способный вызвать социальное действие, является не утопическим, а динамическим. К середине XIX в. современники использовали понятие "утопия" как: 1) литературный жанр, чьи представители находятся в русле "Утопии" Мора; 2) литературный жанр современности, объединяющий утопические проекты или их беллетристическое воплощение; 3) заведомо неосуществимый план социальной или политической реформы; 4) синоним или антоним "социализма"; 5) синоним или антоним "коммунизма" (особенно в дискуссии Прудона и Маркса); 6) термин Прудона, включающий значения "не-место", "ничто", "небытие"; 7) идею неосуществимой реформы, используемой для организации революционного движения; 8) прогноз будущего социального устройства: плоды эволюции [6, с. 169].

II пол. XIX – нач. XX в. характеризуется в основном борьбой марксистской и анархистской утопии, причём первая выдавала себя, как известно, за науку и резко противопоставляла себя иному-прочему "утопизму". На современном этапе развития "утопизма" (символически – с 1917 г. по сегодняшний день) состоялась реализация и крах марксистско-ленинской утопии "казарменного социализма" в силу неспособности коммунистической системы в целом удовлетворить жизненные потребности людей [7, с.16]. Жертвой этого грандиозного социального эксперимента, как известно, стала треть человечества, начиная с СССР. При этом никуда не делись и другие разнообразные утопии. Важно то, что на этом этапе, на наш взгляд, постепенно формируется понимание того, что социальный утопизм – отнюдь не чёрно-белое кино с чётким разделением всего и вся на утопическое и реалистическое, а те элементы сознания и нововведения, в том числе политики, которые исходят не из объективных закономерностей и не из "промысла божьего", а из произвольных представлений о

желаемом будущем (которые часто выдаются за научные или за некое "откровение"). Таким образом, черты утопизма можно обнаружить в политике любого правительства любой страны и во взглядах любого философа, политика, учёного, писателя и вообще любого человека.

Можно выделить важнейшие характерные черты утопического сознания: 1) исторический процесс выступает как направленный, ориентированный своей целью (как ортогенез). Все предшествующие состояния общества рассматриваются как ступеньки восходящей к цели лестницы; 2) относимое к мифологическому будущему состояние цельности бытия, свободного от противоречий, выступает в качестве "подлинной" человеческой истории, во многом снимающей все предшествующие ей "неподлинные этапы"; 3) незаметно внедряющееся в эту схему убеждение в том, что цель (как Бога, так и человека) оправдывает средства, – убеждение, естественно вырастающее из линейного расположения этапов восхождения к "финалу", где каждое предшествующее состояние общества оказывается средством достижения следующего; 4) отношение к человеческой личности как к элементу, средству реализации социальной программы, поскольку реализация утопического идеала выступает средством решения всех человеческих проблем. Важно и то, что любым утопическим представлениям присуща консервативность (поскольку история подчинена наперёд заданной схеме, вольно или невольно происходит "подгонка" исторических представлений под наличную схему; здесь объективная основа тенденции к стабильности схемы, а значит, и катастрофического преодоления последней). Поэтому оправданная в одних условиях, утопическая схема оказывается неоправданной и даже вредной в изменившейся ситуации, но изменяться вместе с ситуацией она не может. В этом одно из отличий утопического сознания, как одного из вариантов исторического мифологического сознания, от научного [1, с. 201].

В кон. XIX – нач. XX в. появился новый жанр научной публицистики в виде "размышлений о будущем" учёных или писателей, хорошо знакомых с проблемами современной им науки, которые пытались "заглянуть" в будущее средствами уже не только искусства, но и науки. В центре внимания этих авторов в целом было не будущее человечества вообще, а конкретное будущее энергетики и материально-сырьевой базы производства, промышленности и градостроительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, здравоохранения и образования, учреждений культуры и норм права, освоения Земли и космоса (Гартинг, Рише, и др.). Наиболее выдающейся для своего времени из этого ряда работ можно считать книгу Уэллса "Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль" (1901). Подчеркнём, что его подход к проблемам будущего и уровень изложения почти не отличаются от аналогичных работ, вышедших на Западе не только в 20 – 30-х, но и в 50-х – нач. 60-х гг. XX в. Вместе с тем, на Западе стали появляться и фундаментальные монографии о конкретных перспективах развития науки, техники, экономики и культуры (Лоу, Джиббс, и др.). Однако среди многочисленной футурологической литературы этого времени, значительное место продолжал занимать Уэллс, который во многом предвосхитил футурологические концепции II пол. XX в. [8].

Именно футурология, в которой довольно часто наблюдается совмещение научного и утопического подходов, прибавилась к числу сфер активного формирования утопического сознания. Хотя между утопией и футурологией имеются принципиально серьёзные различия, связанные с предметной разнородностью осваиваемой ими реальности и со способами такого освоения. Футурология ориентируется, по определению, на формирование образа будущего мира или будущего состояния предмета, тогда как утопия – на формирование идеального предмета, который может быть соотнесён с любой точкой временного континуума. Построение более или менее достоверного образа будущего должно опираться на анализ объективных, вероятных тенденций общественного развития прогнозируемой предметной системы, тогда как утопический образ конструируется произвольно. Последнее неизбежно предопределяет различие методов конструирования предметных образов в утопии и в футурологии.

Таким образом, современное социальное прогнозирование, во избежание утопического мифотворчества, должно основываться исключительно на методах, представляющих собой совокупность способов и процедур отбора и анализа эмпирической информации. Все они, хотя и достаточно условно, справедливо могут быть разделены на пять групп: 1) экстраполяция; 2) экспертные оценки; 3) моделирование; 4) историческая аналогия; 5) сценарии будущего [9, с. 444]. Каждый из этих методов прогнозирования будущего имеет свои очевидные преимущества и недостатки. Именно поэтому следует говорить только о совокупности их применения при составлении различных, в том числе и социальных прогнозов.

В заключение также необходимо подчеркнуть, что хотя в мире утопии живут по своим законам

© *Стовпець О. В.*

и принципам, они всё же оказывают осязаемое воздействие на нашу жизнь. Часто завладевая воображением государственных деятелей и рядовых граждан, проникая в программные документы политических партий и организаций, в теоретическое и массовое сознание, в лозунги народных движений, утопические идеи становятся неотъемлемой частью культурно-политической жизни общества и, следовательно, объектом дальнейшего изучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // *Философские проблемы исторической науки* : Сб. ст. / АН СССР. Ин-т философии. — М. : Наука, 1969. — С. 186-224.
2. Ящук Т. І. Філософія історії: Курс лекцій : навч. посіб. / Тамара Іванівна Ящук. — К. : Либідь, 2004. — 536 с.
3. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах / Эдуард Яковлевич Баталов. — М. : Политиздат, 1989. — 319 с.
4. Торо Г. Д. Уолден, или жизнь в лесу / Генри Дэвид Торо; [пер. с англ. З. Александрова]. — М. : АН СССР, 1962. — 240, [2] с. — (Лит. Памятники / АН СССР).
5. Бестужев-Лада И. В. Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования / Игорь Васильевич Бестужев-Лада. — М. : Мысль, 1970. — 269 с.
6. Мартынов Д. Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия "утопия" (XVI-XIX вв.) / Д. Е. Мартынов // *Вопросы философии*. — 2009. — № 5. — С. 162-171.
7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [пер. с англ. С. Сидоренко, общ. Ред., сост. и предисл. А. Согомонов]. — М. : Политиздат, 1992. — 543 с. — (Мыслители XX века).
8. Уэллс Г. Первые люди на Луне. Пища богов / Герберт Уэллс; [пер. с англ. и послесл. Н. Михальская.]. — М. : Правда, 1987. — 448 с. — (Мир приключений). — С. 436-446.
9. Філософія: навч. посіб. / [Губерський Л. В., Надольний І. Ф., Андрущенко В. П. та ін.] ; за ред. І. Ф. Надольного. — [6-те вид., випр. і доп.]. — К. : Вікар, 2006. — 455 с. — (Вища освіта XXI століття).

Стовпець О. В. — кандидат філософських наук, викладач кафедри цивільного і трудового права Одеського національного морського університету

УДК 340.12 : 347.211

ФІЛОСОФСЬКО-ПРАВОВІ АСПЕКТИ КОМЕРЦІАЛІЗАЦІЇ ІНСТИТУТУ ІНТЕЛЕКТУАЛЬНОЇ ВЛАСНОСТІ (У КОНТЕКСТІ РОЗВИТКУ ВІТЧИЗНЯНОЇ ІННОВАЦІЙНОЇ СИСТЕМИ)

Статтю присвячено філософсько-правовому осмисленню проблемних питань розвитку інституту інтелектуальної власності в Україні та світі, а також аналізу національної інноваційної системи як основи суспільного розвитку сучасного людства.

Ключові слова: інтелектуальна власність, кіберпростір, комерціалізація, національна інноваційна система.

Стаття посвячена філософсько-правовому осмисленню проблемних питань розвитку інституту інтелектуальної власності в Україні та світі, а також аналізу національної інноваційної системи як основи суспільного розвитку сучасного людства.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, киберпространство, коммерциализация, национальная инновационная система.

This article is devoted to the legal philosophical comprehension of the development of the intellectual property institution in Ukraine and in the world. The national innovative system as a basic category of today's human progress is analysed.

Key words: intellectual property, cyberspace, commercialization, national innovation system.